

7245
1374

ЦАРСКАЯ ОХОТА.

Москва.
Издание Типографіи Вльде.
1897.

801-18
7614

ЦАРСКАЯ ОХОТА

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ

ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

МОСКВА.

Типографіи Вльде, Малая Кисловка, собствн
1897

Дозволено цензурою. Москва, 10 Октября 1897 г.

13144-0

2013041672

Въ первые годы своего царствованія Царь Алексѣй любилъ охоту и въ особенности соколиную. Много было у него сокольничьихъ, но большей части молодыхъ людей, а главнымъ былъ Афанасій Ивановичъ Митюшкинъ. Онъ былъ рѣдкій парень, большой знатокъ соколовъ и кречетовъ, а что всего важнѣе отлично умѣлъ дрессировать какъ тѣхъ такъ и другихъ. Изъ его школы выходили соколы и кречета на удивленіе хорошіе.

Было гдѣ и поохотиться. Москва въ то время была окружена непроходимыми лѣсами, отъ которыхъ и до сихъ поръ кое что оста-

лось начиная отъ Сокольниковъ, получившихъ свое названіе отъ соколиной охоты, которая тамъ производилась, и до села Мытищъ. На правомъ берегу рѣки Москвы, гдѣ теперь такъ называемое Замоскворѣчье, былъ обширный и густой лѣсъ со множествомъ овраговъ и болотъ.

Все царское соколиное заведеніе имѣло мѣстомъ своего пребыванія село Измайлово, гдѣ часто проживалъ Царь во дворцѣ своемъ. Охота производилась всегда по извѣстному уряду и уставу. Все, составлявшее поѣздъ царской охоты, имѣло свое опредѣленное мѣсто; шло или ѣхало верхами или на тѣлахъ чинно, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Однажды, вскорѣ послѣ Петрова дня, когда молодая дикая птица оставляетъ уже свои гнѣзда, рано утромъ по берегу Москвы рѣки двигался царскій охотничій поѣздъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Царь ѣхалъ впереди верхомъ на коренастомъ арамакѣ безъ сокола, такъ какъ онъ ожидалъ изъ Москвы пріѣзда Митюшкина со вновь обученнымъ рѣдкостнымъ соколомъ. За царемъ слѣдовали сокольничьи верхами на разношерстныхъ лошадяхъ. Всѣ

они были одѣты въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ въ лисьихъ и горностаевыхъ шапкахъ и сафьяновыхъ высокихъ сапогахъ также разныхъ цвѣтовъ. Каждый сокольничій имѣлъ у праваго своего бока серебряный рогъ, а сокола онъ держалъ на рукавицѣ правой руки. Птицы были одѣты въ выѣздныхъ своихъ костюмахъ, а именно на головкѣ каждого сокола и кречета была надѣта изъ краснаго бархата съ золотою оторочкою шелочка, на ногахъ красные сукожные чулочки а въ хвостѣ небольшой серебряный колокольчикъ на тотъ случай, чтобы по звуку его легче было отыскивать ихъ, когда они опускаются въ высокую траву со своею добычею. Каждый сокольничій имѣлъ при себѣ съ лѣвой стороны помощника, тоже верхомъ. За этой кавальгадой ѣхали двѣ или три повозки съ царскою прислугою и кухнею; наконецъ шествіе замыкалось полсотнею или больше стрѣльцовъ.

Денекъ былъ сѣренькій и самый удобный для соколиной охоты, потому что жара не утомляла соколовъ. Алексѣй Михайловичъ, ожидая изъ Москвы сокола, нетерпѣливо оглядывался назадъ къ Дядьковскому займищу,

Откуда долженъ былъ прибыть гончій съ соколомъ. Охота еще не начиналась, такъ какъ всѣ сокольники, не смотря на появленіе тамъ и сямъ разной дичины, не получали еще приказаній царскихъ приступить къ охотѣ.

Спустившись мимо пашней замоскворѣцкой земли, Царь остановилъ коня. Сокольничьи тотчасъ прыгнули съ коней, въ ожиданіи приказаній царскихъ, такъ какъ у царя изъ подъ ногъ взлетѣлъ молодой, дикій гусь, который сѣлъ на не дѣлшемъ озеркѣ. Сейчас же поднялась не подалеку чайка. Царь сдѣлалъ знакъ головою и одинъ сокольничій, Табалинъ, пустилъ двухъ своихъ кречетовъ. Одинъ изъ нихъ поднялся въ высь, наблюдалъ отсюда за полетомъ чайки, а другой преслѣдовалъ ее на одной съ нею высотѣ. Чайка спустилась почти къ землѣ, видя свою неизбежную гибель. Второй кречеть, тотчасъ спустился тоже и подбилъ чайку, но вотъ въ это время верхній кречеть какъ стрѣла спустился и вцѣпился когтями въ лайку, и спустился съ нею въ траву. Табалинъ поскакалъ къ тому мѣсту, гдѣ опустились кречета и принялъ отъ нихъ добычу.

Вслѣдъ за тѣмъ пушенъ былъ кречеть другимъ сокольничьимъ на дикаго гуся. Послѣ двухъ, трехъ ставокъ кречеть ринулся съ высоты на свою добычу и шперою задняго ногтя на лету пересѣкъ гусяю шею.

Царь въ это время стоялъ подъ деревомъ, не принимая участія въ охотѣ. Замедленіе въ доставкѣ изъ Москвы новаго сокола нѣсколько испортило расположеніе его духа. Пускали соколовъ и другіе сокольничьи на разную дичь и охота шла совершенно удачно, но онъ едва удостоивалъ се своимъ вниманіемъ. Наконецъ Алексѣй Михайловичъ приказалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, разбить палатки и подать закусить. Мигомъ были разставлены три палатки, бросавшіяся въ глаза своею роскошью. Одна изъ нихъ была изъ золотой парчи, другая изъ серебряной, а третья кашемировая. Слуги засуетились приготовленіемъ закуски на открытомъ воздухѣ, вблизи палатокъ. Сначала постлали персидскій коверъ, накрыли его тонкою бѣлою скатертью, разставили блюда съ яствами и нѣсколько флагъ вина заморскаго. Нѣсколько по отдалѣ

приготовлена была закуска для стрѣльцовъ, но начальникъ ихъ полковникъ Горбатовъ былъ приглашенъ къ царскому столу. Послѣ круговой чарки компанія оживилась. Самъ собою устранился строгій этикетъ. Всѣ шумно разговаривали, причемъ предметомъ разговора была конечно охота. Царь повеселѣлъ и много подшучивалъ то надъ однимъ, то надъ другимъ изъ присутствующихъ. Особенно много острогъ его выпало на долю Горбатова, который всегда имѣлъ хмурый, суровый видъ. Въ сущности Царь очень любилъ Горбатова.

Завтракъ подходилъ уже къ концу, какъ Царю доложили, что изъ Москвы ѣдетъ гонецъ съ соколомъ отъ Митюшкина. Царь привсталъ на ноги и, отгнѣнивъ рукою глаза, вематривался вдаль; спустя съ минуту сказалъ:

— И впрямь ѣдетъ, только не разберу, самъ ли Митюшкинъ или кто другой?

Кто то изъ сокольничьихъ, имѣвшій лучшее зрѣніе, назвалъ гонца и удивленный Царь спросилъ:

Пачему же не самъ Афанасій Ивановъ? (такъ звали Митюшкина.)

Царю доложили, что Митюшкинъ захворалъ еще дня три тому назадъ.

— Жаль! Онъ лучше показалъ бы памть сокола, такъ какъ ему извѣстнѣй его споровка — сказалъ Царь, а потомъ прибавилъ: — Впрочемъ авось и мы справимся съ птицей. Какъ ты объ этомъ думаешь, Горбатовъ?

— Не впервой тебѣ Государь охотиться—отвѣчалъ Горбатовъ, не поднимая глазъ.

Гонецъ приблизился къ Царю и по чину подалъ ему сокола. Царь внимательно, съ видомъ знатока, осмотрѣлъ его и сказалъ.

— Птица большой силы и хорошаго склада, какова то она будетъ въ дѣлѣ?

Съ этими словами онъ вскочилъ на коня, взялъ сокола на правую рукавицу и медленно поѣхалъ, въ ожиданіи, когда другіе охотники сядутъ на коней. Сокольничьи не заставили себя ждать и черезъ минуту уже гарцовали около Царя, который сказалъ:

— Теперь моя очередь пускать сокола на первую поднявшуюся дичь. Посмотримъ каковы новичекъ?

Едва онъ проговорилъ эти слова, какъ поднялся глухарь огромныхъ размѣровъ. Царь пустил сокола, который взвился вверхъ паря надъ глухаремъ. Казалось, что онъ соображалъ какъ ему нанести рѣшительный ударъ могучему своему противнику. Глухарь летѣлъ бодро и какъ бы не обращалъ большого вниманія на парящаго надъ нимъ сокола, потомъ вдругъ измѣнилъ направленіе и полетѣлъ быстрѣе. Царь скакалъ на своемъ аргамакѣ по направленію полета птицъ и зорко слѣдилъ за ихъ дѣйствіями. Соколы сдѣлалъ ловкій маневръ и быстро, какъ пуля, бросился съ высоты на глухаря. Онъ вцѣпился когтями въ свою добычу, нанесъ глухарю ударъ клювомъ своимъ по головѣ, но глухарь сталъ отбиваться, дѣлая на лету разные маневры, затѣмъ обѣ птицы быстро спустились на землю въ значительномъ разстояніи отъ скакавшихъ охотниковъ съ Царемъ во главѣ ихъ. Алексѣй Михайловичъ первый прискакалъ къ крутому берегу не широкой рѣчки и остановился предъ этимъ препятствіемъ, слѣдя еще взоромъ, гдѣ опустились птицы, какъ вдругъ

ему представилась слѣдующая картина: по ту сторону рѣчки въ саду, затѣйливо убранномъ, стоялъ красивый домикъ съ мезониномъ, выстроенный совѣтмъ не на русскій ладъ. Въ самомъ саду съ многочисленными клумбами рѣдкостныхъ цвѣтовъ были разбиты дорожки, усыпанныя желтымъ пескомъ, и виднѣлись двѣ три бесѣдки. На одной площадкѣ высились качели, на которыхъ сѣнныя дѣвушки съ звонкимъ смѣхомъ качали боярышню. При видѣ всадниковъ на другой сторонѣ рѣчки, дѣвушки вспорхнули, какъ птички, и убѣжали въ домъ. Какъ ни скоро все это свершилось, однако Царь замѣтилъ красавицу боярышню, которая очень ему понравилась, и соколъ упавшій со своею добычею въ саду отошелъ на второй планъ. Но тѣмъ не менѣе онъ явился предметомъ, поисковъ Алексѣя Михайловича, скрывшаго свои намѣренія отъ охотниковъ. Кто то изъ охотниковъ не кетати вызвался отправиться за соколомъ въ усадьбу, но Царь сказалъ:

— Я самъ хочу видѣть на мѣстѣ, какъ

соколь забралъ свою добычу. А гдѣ тутъ можно переправиться на ту сторону?

Тотчасъ въ одну и другую сторону покакали всадники отыскивать мѣсто переправы, а Царь, какъ очарованный, стоялъ на одномъ мѣстѣ, не спуская съ глазъ домика, въ которомъ скрылась красавица. Черезъ нѣсколько минутъ вернулся посланный на развѣдки относительно переправы и доложилъ Царю, что близехонько есть мостъ черезъ рѣку. Вся кавалькада направилась къ указанному мѣсту. Царь ѣхалъ впереди, погруженный въ раздумье. Никто не нарушалъ молчанія. Переѣхавъ черезъ мостъ, вскорѣ подѣхала къ воротамъ красивой усадьбы. Царь приказалъ постучать въ ворота, что и было исполнено однимъ изъ сокольничьихъ, проворно соскочившимъ съ коня своего. На этотъ стукъ у воротъ появилась высокаго роста, довольно полная женщина въ цестрой кармазинной поневѣ, кумачной душагрѣйкѣ съ цвѣтною кичкою на головѣ. Отворивъ ворота и увидѣвъ блестящую свиту, она пугливо спросила:

— Что вамъ надо, господа честные?

— Мы дворскіе охотники, охотились по ту сторону и нашъ соколь съ добычею какъ-то упалъ въ вашу садъ, — проговорилъ Царь.

— Можетъ статься и упалъ, но я не видала, потому что была въ горницѣ. Надо спросить дѣвокъ, онѣ сейчасъ прибѣжали изъ сада. А то войдите сами, — молвила женщина.

— Чья это будетъ усадьба? — спросилъ Алексѣй Михайловичъ.

— Боярина Всеволожскаго — отвѣчала женщина.

— Дома самъ бояринъ?

— Уѣхалъ съ супругою въ свою вотчину въ Рязанской губерніи.

— Стало быть дома никого нѣтъ?

— Одна боярышня.

— Намъ бы заѣхать къ вамъ отдохнуть малость, да коней напоить, а то намъ до Москвы путь не близокъ.

— Что же, зайдите, родимыя.

— А вамъ нѣтъ запрету пускать въ усадьбу постороннихъ людей въ отсутствіе хозяина?

— Милости просимъ! Завсегда рады добрымъ людямъ. Небось вы знаете нашего боярина и онъ васъ также, такъ почти и не заѣхать? Пожалуйте въ горницы.

— Ужь если будетъ твое позволеніе, то мы войдемъ въ садъ, кстати поищемъ и нашего сокола.

— Пожалуйте. Какъ вамъ будетъ угодно— сказала женщина, давая дорогу въ растворенную калитку.

Царь съ нѣсколькими сокольничьими вошелъ въ садъ, съ большимъ любопытствомъ осматривая его диковинки. Вскорѣ найденъ былъ соколъ, гордо сидѣвшій около своей добычи. Царь всколзь осмотрѣлъ его и приказалъ одному сокольничьему взять его а самъ, обратившись къ сопровождавшей женщинѣ, спросилъ:

— Нѣтъ ли милая у васъ водицы, либо кваску, хочется пить.

— Какъ не быть, батюшка! Есть и квасъ

и бражка, чего прикажешь, родимый?—отвѣчала пѣвучимъ голосомъ женщина.

— Ну хоть кваску—сказалъ Царь.

У садовой калитки собралась вся дворня Всеволожскаго поглядѣть на пришельцевъ, разодѣтыхъ въ красивые охотничьи костюмы. Женщина отдала приказъ одному молодому парню сбѣгать на погребъ, поцѣдить и квасу и браги.

Мы должны здѣсь сказать, что бояринъ Всеволожскій не былъ близокъ ко двору Алексѣя Михайловича. Онъ еще до вступленія его на престолъ уѣхалъ изъ Москвы и проживалъ те въ подмосковной, то въ касимовской своей вотчинѣ. Излюбленнымъ предметомъ его личнаго хозяйства было садоводство и цвѣтоводство. Единственная дочь его боярыни Ефимья унаслѣдовала отъ родителя своего страсть къ садоводству и цвѣтоводству. Велѣдствіе этого, по мимо чудныхъ деревьевъ, цвѣтовъ и прекраснаго пруда по срединѣ сада въ немъ было много затѣй, одна другой интереснѣе. Царь съ веселой улыбкой все осматривалъ и наконецъ спросилъ, обратясь къ сопровождавшей женщинѣ.

— Самъ бояринъ должно занимается са-
домъ?

— И самъ и боярышня, а кромѣ того
бояринъ держитъ садовника изъ нѣмцевъ, —
отвѣчала проводница.

— То-то и видно сейчасъ! — сказала
Царь

Въ это время подошелъ въ курткѣ и зеле-
ной ермолкѣ на головѣ, опаясанный полотен-
цемъ, которое висѣло длинными концами съ
правого бока, садовникъ. Онъ остановился въ
нѣсколькихъ шагахъ и почтительно поклонил-
ся, приподнявъ надъ головою свою ермолку.

— Кто это? спросилъ Царь, — обращаясь
къ проводницѣ.

— Это будетъ самый садовникъ, а другой
его подручный, который служить толмачемъ,
такъ какъ нѣмецъ плохо можетъ по русски, —
отвѣчала проводница.

Царь ласково подозвалъ садовника по бли-
же и при посредствѣ толмача повелъ съ нимъ
рѣчь о садовомъ искусствѣ. Когда Царь между
прочимъ узналъ, что нѣмецъ восемь слиш-
комъ лѣтъ уже находится въ Россіи, то съ
услѣшкомъ сказалъ:

— Пора бы тебѣ милый мой выучиться и нашему языку.

Поблагодаривъ словоохотливаго садовника за его сообщеніе о садоводствѣ и цвѣтоводствѣ, Царь медленными шагами направился къ выходу изъ сада. Въ это время онъ случайно бросилъ свой взглядъ на окна верхняго этажа и въ одномъ изъ нихъ увидѣлъ прекрасное личико боярышни, выглядывавшее изъ за кисейной занавѣски. Царь съ улыбкой отвелъ свой взоръ отъ окна, показывая видъ, что онъ ничего не замѣчаетъ, но на его лицѣ отразилось нѣкоторое смущеніе. Въ это время парень поднесъ двѣ небольшихъ бодейки съ квасомъ и брагой, а также два деревянныхъ ковшика. Царь выпилъ квасу и, прищелкнувъ языкомъ, сказалъ:

— Квасокъ-то варила большая мастерица, зѣло хорошъ!

Проводница низко поклонилась и сказала:

— Пожалуй бояринъ въ хоромы, посидѣть малость, небось ноженьки твои устали.

— Спасибо голубушка за честь. Не осудите насъ... Пора ѣхать въ Москву—отвѣ-

чалъ Царь приподнимая шапку. — Можетъ статься другимъ разомъ заѣдемъ, когда и вашъ бояринъ будетъ у себя.

— Какъ же о васъ сказать нашему боярину—спросила проводница.

— Скажи, милая ему, что были Дворскіе — отвѣчалъ Царь, выходя изъ воротъ и ухарски вскочилъ на подведеннаго ему коня.

Долго стояла за воротами проводница и вся дворня, глядя на отвѣзжающую кавалькаду, дѣлиась между собою впечатлѣніями, внезапнымъ появленіемъ всадниковъ, столь красиво разодрѣтыхъ.

Когда они скрылись изъ виду проводница, которая была кормилицей боярышню, тихими шагами направилась къ боярскому дому и поднялась по лѣстницѣ въ свѣтлицу, гдѣ находилась, окруженная сѣнными дѣвушками, боярышня, встрѣтившая ее съ веселымъ лицомъ покрытымъ яркимъ румянцемъ и спросила:

— Кто такіе, мамушка, эти всадники?

Матрена, такъ звали кормилицу, отвѣтила не вдругъ. Сначала она выслала изъ свѣтлицы

сѣнныхъ дѣвушекъ, приперла плотно входную дверь и таинственнымъ голосомъ промолвила:

— Никакъ это самъ Царь, мой свѣтикъ дорогой. Я удостоилась видѣть его наемни при выходѣ отъ Василія Блаженнаго.

— Не можетъ быть, мамушка!—вскрикнула боярышня, всплеснувъ руками.

— Онъ самый и есть. Такого другого яснаго сокола и не найти нигдѣ. Сейчасъ видно царскую осанку. Жаль, что самого боярина нашего не было про этотъ случай дома, онъ бы его милость принялъ честь честью! Вишь ты какой случай! Соколъ его опустился въ нашемъ саду и привелъ сюда самого Царя батюшку—резонировало Матрена, усѣвшись на скамью.

— Да ты обозналась, быть можетъ, мамушка!—возразила боярышня.

— Зачѣмъ обозналась? Говорю тебѣ, что это самъ Царь батюшка Алексѣй Михайловичъ! А у тебя вишь какъ глазенки разгорѣлись — промолвила Матрена, подмаргивая однимъ глазомъ.

— Какой онъ красивый, мамушка! Я въ первой его увидала!

— Какъ, гдѣ ты его видала?

— Когда онъ стоялъ по ту сторону рѣчки.

— И въ такой дали ты успѣла его раз-
смотрѣть, моя касатка?

— Разсмотрѣла, мамушка, рассмотрѣла! Ин-
до сердце у меня застучало, какъ увидала
его. А потомъ я смотрѣла на него и побли-
же, только ты смотри, никому не сказывай,
можетъ это и не гоже...

— Гдѣ же ты его смотрѣла?

— Отсюда изъ свѣтлицы, когда онъ раз-
говаривалъ съ садовникомъ.

— Поди ты! А мнѣ и не въ домекъ.

— Что я тебѣ еще скажу мамушка...

— Ну говори, за одно каяться.

— Ужъ не знаю, молвить ли?

— Ну, ну, говори! Мнѣ то можно! Чай
знаешь, что ты моя баловница. Но выдамъ
твоихъ секретовъ никому.

— Говорилъ это онъ съ садовникомъ и
вдругъ вскинулъ глазами на оконце, изъ ко-
торого я выглядывала и улыбнулся, словно
такъ привѣтливо, радостно.

— Ты вѣдь у меня не послѣдняя краса-

вица! Кто бы на тебя ни взглянулъ, такъ
за сердце возьметъ? Смотри не болтай объ
этомъ съ дѣвками. Имъ не пужно знать того,
что мы съ тобою промежъ себя говоримъ.

Боярышня сидѣла задумчиво. Грудь ея
вздыхалась болѣе обыкновеннаго, и на лицѣ
ея выражался робкій сладостный трепеть.

— Звала было я его милость въ горницы,
такъ не пошелъ, а то тебѣ выйти бы къ не-
му за мѣсто хозяйки...

— Какъ это, можно мамушка! Какія стра-
сти ты говоришь!..

— Страсть то не велика, а почему знать,
можетъ быть твое счастье было у тебя въ
рукахъ.

Боярышня вспыхнула пуще прежняго и, за-
крывши лице свое руками, проговорила.

— Я какъ бы обомлѣла передъ нимъ и
не съумѣла бы слова молвить.

— Что ты, милая? Смотри ка какой онъ
простой! Се мною холопкой разговаривалъ
благородно, привѣтливо. Семъ - ка я пойду
погадаю малость на бобахъ и скажу тебѣ всю
правду. Какъ ты сказала мнѣ, что онъ ви-

дѣлъ тебя и съ крутого берега и въ оконце, такъ втемяшилось мнѣ въ голову одна мысль и никакъ не могу ее выгнать отсюда, — сказала Матрена, вставая со скамьи и выходя грузною поступью изъ свѣтлицы.

Боярышня предалась своимъ мечтамъ, оставаясь въ свѣтлицѣ. Душа ея требовала на нѣкоторое время уединенія, что вообще бываетъ съ молодыми пылкими натурами, когда ихъ внезапно охватываетъ жгучій пламень первой любви.

Результатъ гаданья Матрены, который она пошотомъ сообщила боярыни, должно быть былъ удовлетворительный, такъ какъ вызвалъ на лицѣ послѣдней румянецъ и улыбку. Даже на бархатныхъ черныхъ рѣсницахъ ея блеснули слезы умиленія.

Къ вечеру на другой день пріѣхали старики Всеволожскіе. Матрена съ подробностями отрапортовала боярину о посѣщеніи его дома Царемъ, что вызвало на лицѣ его улыбку удовлетвореннаго честолюбія. Боярынь Всеволожской Матрена передала свои изображенія съ нѣкоторыми комментаріями, о которыхъ умолчала предъ бояриномъ.

Царь, вернувшись въ Измайлово, видимо скучалъ, но никому не жаловался на скуку. Даже приближенный его дядька Морозовъ ничего не зналъ, хотя замѣчалъ нѣкоторую переменъ въ Царѣ, котораго перестала даже тѣшить любимая соколиная охота. Осень, раньше обыкновеннаго Царь переѣхалъ въ Москву въ Кремлевскіе терема и занялся дѣятельно дѣлами государственными. Передъ Новымъ годомъ Морозовъ получалъ отъ Царя приказъ собрать наикраснѣхъ, именитѣхъ боярскихъ дочерей въ Москву, по случаю желанія Царя вступить въ бракъ съ одною изъ нихъ „красотою и честью великою, тихою и разумною въ свое царство счастье и въ наслѣдіе своего государственаго рода“. Во всѣ концы царства русскаго поскакали гонцы оповѣстить приказъ государевъ. Эта вѣсть взволновала именитѣхъ русскихъ бояръ, которые стали готовить своихъ дочерей къ царскому смотру съ завѣтною и лестною мыслию породниться съ Царемъ. Въ началѣ феврала въ Москву собрались около двухсотъ семействъ, которые привезли своихъ дочерей. По приказанію Царскому устроены были для дѣвицъ

во дворцѣ обѣдъ. Въ назначенный для этого день собрались туда родители съ дочерьюми. Дѣвицы посажены были за столъ въ особомъ покоѣ дворца, тогда какъ родители ихъ оставались въ другихъ покояхъ. Царь, чтобы не быть узнаваемъ, былъ въ „маломъ нарядѣ“ вмѣстѣ съ другими царедворцами и тщателью осмотрѣлъ всѣхъ невѣстъ. Жребій палъ на Ефимью Всеволожскую. Избранная невѣста и ея родители были въ восторгѣ отъ своего счастья, тогда какъ весь остальной сонмъ блестящихъ невѣстъ изъ самыхъ именитыхъ русскихъ фамилій былъ потрясенъ царскимъ выборомъ. Морозова, который нѣкогда былъ въ большой славѣ и могуществѣ при дворѣ, эта вѣсть опечалила, такъ какъ онъ не успѣлъ повліять на Царя въ дѣлѣ его выбора невѣсты. Съ печалью и завистью онъ смотрѣлъ на новую восходящую звѣзду при дворѣ — Хомякова, къ которому Царь особенно былъ благосклоненъ, жалуя его каждый день то тѣмъ, то инымъ, а главное значеніе его состояло въ томъ, что онъ сдѣлался довѣреннымъ въ сердечныхъ дѣлахъ Царя.

Всеволожскій съ супругою переѣхали на время въ Москву и стали готовить свою дочку къ свадьбѣ. Рѣдкій день проходилъ, чтобы въ домъ Всеволожскаго не пріѣхалъ отъ Царя посланный съ какой либо вѣстью, либо подаркомъ, либо грамоткой на имя невѣсты. Довольно часто пріѣзжалъ къ невѣстѣ и самъ Алексѣй Михайловичъ, поторапливая Всеволожскихъ въ свадебныхъ приготовленіяхъ.

По обычаямъ русской старины послѣдовалъ рядъ вечеринокъ и пиршествъ, какъ въ домѣ невѣсты, такъ и у жениха. Царь все время былъ въ прекрасномъ веселомъ настроеніи духа. Наступилъ наконецъ и день свадьбы. Вся Москва приняла уже торжественный видъ по случаю Высочайшаго бракосочетанія. Но вдругъ случилось обстоятельство, которое потрясло всѣхъ ужаснѣйшимъ образомъ. Оди, въ томъ числѣ и самъ Царь, были крайне опечалены эгимъ происшествіемъ, и злые люди — завистники торжествовали. Часа за два до того времени какъ Высочайшую невѣсту слѣдовало везти къ вѣнцу, подружки ея съ пѣснями, приличествующими этому обстоятельству

ству, убирала невѣсту въ подвѣчный нарядъ. Когда стали чесать Ефимья голову, она вдругъ впала въ глубокой обморокъ и съ трудомъ приведена была въ чувство, объяснивъ при этомъ, что она чувствуетъ столь сильную слабость, что не можетъ держаться на ногахъ. Объ этомъ тотчасъ было дано знать Алексѣю Михайловичу, который сильно встревожился и бракосочетаніе было отложено.

Отъ чего произошелъ этотъ обморокъ у невѣсты—не извѣстно: вслѣдствіе ли сильнаго душевнаго волненія, или отъ поста со всею строгостью наблюдавшагося въ тѣ времена брачущимися или оттого, что подвѣчный костюмъ непомерно стягивалъ тѣло невѣсты. Нянюшки и мамушки, съ Матреною во главѣ, приписывали это сглазу и даже втихомолку поговаривали о порчѣ. Нашлись злые люди, которые разными кривыми путями довели до свѣдѣнія Царя, что Ефимья Всеволожская издавна страдаетъ черною немочью, то есть падучею болѣзнію и что родители ея хотѣли скрыть отъ Царя этотъ великій недостатокъ въ невѣстѣ. Къ сожалѣнію Алексѣй Михайло-

вичъ повѣрилъ этимъ сплетнямъ и сильно разгнѣванный приказалъ сослать Всеволожскаго сначала въ его вотчину въ Рязанскую губернію, а потомъ въ Томскъ на воеводство, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ отъ великаго своего горя. Ссылка Всеволожскаго была мотивирована такъ: за чары, косный разводъ и умышель противъ Царя“. Свадьба конечно не состоялась.

Ровно черезъ годъ Алексѣй Михайловичъ женился на Марьѣ Ильинишнѣ Милославской, дочери Медынскаго стольника Ильи Даниловича. Великолѣпная царская свадьба, о которой долго говорила Москва, была зимою.

Убитая горемъ Ефимья Всеволожская коротала свой дѣвичій вѣкъ въ Тюмени, часто вспоминая подмосковную вотчину и красавца всадника, который явился передъ нею на другомъ берегу рѣки и сразу полонилъ ея сердце. Она не осушала отъ слезъ чудные черные глаза и завидная красота ея съ каждымъ часомъ теряла все болѣе и болѣе блекла, такъ что въ два года она стала неузнаваема. Матрена, послѣдовавшая за Всеволожскими въ Тюмень, старалась утѣшить свою любимицу, говоря:

— Погляди Фимушка на себя, на кого ты стала похожа? Сама извелась и насъ всѣхъ изсушила. Стало быть Господу не угодно было, чтобъ ты была Царицею. Твои года еще молодые и счастье твое впереди. Не сегодня, завтра батюшка Царь взмилуетя и поѣдемъ мы въ свое теплое гнѣздышко подь Москву. Тамъ ты размыкаешь свое неотвязное горе.

— Не говори ты мнѣ, мамушка, такихъ рѣчей. Никогда я не утѣшусь и вѣкъ свой не пойду замужъ — раздражительно отвѣчала боярышня, заливаясь слезами горячими.

— Богъ гнѣвитъ, милая, если супротивничаешь его закону. Всѣмъ приходитъ свой чередъ и жениться и умирать. Мало ли чего бы намъ желалось, во на все есть Его святая воля. На тебя послалъ Онъ великое испытаніе и нужно терпѣть безъ ропота, и больше молиться. Въ молитвѣ сердце твое найдетъ покой.

— Не ропщу я на Бога и творю молитву, но что же мнѣ дѣлать, если я не могу забыть все то, что было, если я не могу удержаться отъ слезъ.

Матрена въ душѣ и сама также разсуждала, какъ ея любимица — боярышня, но говорила того ради, чтобы утѣшить тоскующую и успокоить свою собственную совѣсть.

Спустя еще нѣкоторое время Царь убѣдился въ полной невинности Всеволожскихъ и приказалъ немедленно вернуть ихъ въ подмосковную вотчину. Самъ лично посѣтилъ старуху Всеволожскую и осыпалъ ее своими милостями. Ефимья на этотъ разъ не вышла къ Царю изъ своего терема, сказавшись больной. Ей тяжело было видѣть человѣка, котораго она полюбила всѣми силами своей юной, пылкой души и котораго отняли у ней злые люди. Она исполнила свой обѣтъ, оставшись на всю свою жизнь дѣвицею, и никогда изъ вотчины своей никуда не выѣзжала.

к о н е ц ъ .

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ,

соч. Кукеля.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россіи.

1. Тайный мельникъ.	24. Счастье къ несчастью.
2. Сестра милосердія.	25. Двумужница.
3. Потонувшій городъ.	26. Русская плѣнница.
4. Сокровище на днѣ моря.	27. Долгъ платежемъ красенъ.
5. Печальная участь гадалки.	28. Святочное гаданье.
6. Слѣдъ Макарушка.	29. Терни, вѣры и надѣяся.
7. Привидѣніе на развалинахъ замка.	30. Царская охота.
8. Корчма на большой дорогѣ.	31. Превратности судьбы.
9. На воздушномъ шарѣ.	32. Фабричная красавица.
10. Одинокая могила.	33. Любовь и долгъ.
11. На Кавказѣ.	34. Скупцы.
12. Рѣдкій случай.	35. Исправиться никогда не поздно.
13. Случайный покровитель.	36. Горькая доля.
14. Дикарка.	37. Богъ не безъ милости.
15. На сиротскую долю Господь посылаетъ.	38. Намусульмановомъ кладбищѣ.
16. Добрый товарищъ.	39. Сухъ совѣсти.
17. Предвѣстники Божіей кары.	40. Не бывать бы счастью, да несчастье помогло.
18. Въ золотой клѣткѣ.	41. Блудному сыну не впрокъ богатство.
19. Лихая цыганка.	42. Вотъ что случается порой.
20. Рекрутъ.	43. Ошибки молодости.
21. Жертва несчастной любви.	44. Суженый-ряженый.
22. Двѣ соперницы.	45. Тайны замка Мадурно.
23. Русака.	